

Теории демократизации. Краткое изложение состояния проводимых исследований

Мартин Брусис

Несмотря на значительный рост объема сравнительных исследований на тему демократизации после целого ряда политических переходов, произошедших в Восточной Европе в 1989-90 годах [Merkel, 2010], ученые до настоящего времени не пришли к согласию относительно комплекса созвездий действующих лиц и стратегий, которые являлись бы необходимыми и достаточными для установления и упрочения демократических институтов. Тогда как в ранних исследованиях подчеркивалось значение заключения пактов между реформаторами внутри правящей элиты и умеренными лидерами оппозиции [O'Donnell & Schmitter, 1986; Przeworski, 1991], в более поздних исследованиях упор делался на том, что стабильная демократия возникла только на базе таких созвездий, в которых демократические политические деятели доминировали над силами авторитарного режима [McFaul, 2002]. Явная консолидация после второй половины 1990-х годов политических режимов, расположенных между полной демократией и полной автократией, привела к возрождению структурных подходов [Doorenspleet, 2005; Hale, 2013; Levitsky & Way, 2010; Møller & Skaaning, 2009; Przeworski & Group on East-South Systems Transformations, 1995; Przeworski et al., 2000; Schneider 2009]. Такие попытки объяснения рассматривают конфликты государственности, социально-экономические условия и культурное наследие в качестве более важных факторов смены режимов, чем деятельность политических элит.

Политические переходы (преобразования, трансформации) в Центральной и Восточной Европе наглядно демонстрируют то, как территориальные конфликты между государствами, которые только что получили независимость, могут значительно усложнить и даже полностью затормозить процесс демократизации [Offe, 1994;

Linz & Stepan, 1996]. Все три социалистические федерации распались, когда политический плюрализм ослабил позиции федеральных политических элит и сделал возможной националистическую мобилизацию в политико-административных единицах данных стран [*Beissinger 2004; Bunce 1999*]. Однако это не означает, что процесс демократизации обречен на неудачу в государствах, в которых, помимо титульной нации, проживает большое число людей иной национальности, что подтверждается успешным опытом преобразований в Болгарии, Эстонии, Латвии, Сербии (после Милошевича) и Словакии (после Мечьяра) [*Fish & Kroenig, 2006; Merkel & Weiffen, 2012; O'Leary, 2001; Schmitter, 2010*]. Более того, можно утверждать, что рост национального самосознания и мобилизация по этническому признаку в чем-то даже способствовали демократизации, особенно на постсоветской территории, поскольку именно они предоставили политическим элитам необходимые козыри для полного разрыва с советским режимом и, таким образом, явились актом национального самоопределения [*Beissinger, 2008*].

В условиях политического соревнования межэтнические различия обостряются и политизируются. Рост национального самосознания и мобилизация по этническому признаку могут либо вылиться в острый этнополитический конфликт, либо привести к мирным договоренностям о разделении власти. Выбор между этими альтернативами обусловлен несколькими факторами, среди которых: глубина расслоения общества по этническому и экономическому признакам; политика, проводимая политическими элитами; поддержка или неприятие этнического разнообразия на государственном уровне; отношение государства к своим соотечественникам, которые проживают в других странах, в которых они являются этническим меньшинством; взаимозависимость конфликтов между соседствующими государствами и внешних стимулов для политической интеграции [*Heinemann-Grüder, 2011; Stepan et al., 2011*]. Приходится констатировать, что мы до сих пор не обладаем систематизированным знанием о том, каким образом данные

факторы влияют на процесс демократизации в новых демократических государствах.

В центре внимания последних сравнительных исследований в особенности находится одно значимое социально-экономическое условие — экономическое неравенство [Boix, 2003; Acemoglu & Robinson, 2006; Haggard & Kaufman, 2012; Houle, 2009]. Одной из главенствующих теоретических идей такой литературы является то, что демократически избранные правительства производят распределение от политических элит в пользу большинства граждан. Следовательно, переход к демократии интерпретируется как обязательство со стороны авторитарных политических элит принять такое перераспределение. Рост неравенства при авторитарных политических режимах способствует тому, что граждане начинают угрожать находящейся при власти группе революцией, которая приведет к перераспределению [Acemoglu & Robinson, 2006]. Согласно этой теории, правящие элиты могут ответить репрессиями, но могут и сделать выбор в пользу демократии, если цена репрессий будет выше цены перераспределения. Правящие элиты склонны предпочесть демократическое правление при наличии промежуточного уровня экономического неравенства. Такой уровень склоняет граждан угрожать революцией, ограничивая при этом потери в доходах, которых элиты должны бояться в случае демократии.

К сожалению, эта теория пока что не в состоянии указать пороги неравенства, которые обеспечили бы политический переход. На более фундаментальном уровне ее критики утверждают, что политический конфликт во время перехода касается не перераспределения, а защиты прав собственности и других гражданских прав от вмешательства государства [Ansell & Samuels, 2010]. С такой точки зрения демократизация является собой контракт между социальной группой (буржуазией, в контексте исторических реалий Запада) и авторитарными правителями о правах и правилах участия в целях защиты граждан от произвола государственного вмешательства.

ства [Gill, 2011]. В контексте исторических траекторий демократизации на Западе этой общественной группой явилась буржуазия [Moore, 1967]. Эта «контрактная» точка зрения указывает на наличие связи между ростом экономического неравенства и вероятностью демократизации, так как рост неравенства свидетельствует о возникновении класса, наделенного собственностью, и интереса к защите собственности [Remington, 2011].

Демократические прорывы, произошедшие в Сербии, Грузии, Украине и Кыргызстане, вызвали новую волну теоретизирования о роли политических деятелей при сменах режимов. В связи с тем, что толчком к переменам во всех этих случаях стали массовые протесты против жульнических выборов, исследователи стали заявлять, что ключевым актером демократических перемен является мобилизованное гражданское общество, а не авторитарные реформаторы или изолированные от общества оппозиционные группы [Beissinger, 2013; Bunce & Wolchik, 2011; Hale, 2006; Lindberg, 2009; Stykow, 2010]. Выборы представляют собой возможность для мобилизации и могут стать символом как силы демократического движения, так и нелегитимности правящих элит [Stykov, 2013].

В сравнительных исследованиях таких «демократизирующих выборов» [Bunce & Wolchik, 2011] было определено несколько факторов в качестве решающих для смены режима. Основные оппозиционные партии смогли образовать стабильный альянс. Этот альянс тесно сотрудничал с группами гражданского общества, во-первых, чтобы убедить избирателей принять участие в выборах, а во-вторых, для контроля над избирательным процессом. Для привлечения граждан к массовым общественным протестам против «украденных выборов», предшествовавших передаче власти, понадобилась широкая мобилизация и наличие убедительных доказательств фальсификации выборов. Кроме того, правящие группировки недооценивали свою электоральную поддержку и свою способность к «корректировке» впоследствии результатов выборов. В случае Грузии, Украины и Кыргызстана решающие выборы совпали

с переходом власти от долго действовавшего президента к назначенному им преемнику. Такая ситуация создавала дополнительную неуверенность в правящих элитах, приводя их к разобщению и последующему перебеганию некоторых групп элит перед лицом общественных протестов.

Ранний успех демократизирующих выборов, явные параллели между странами и ограниченность усилий по проведению таких кампаний способствовали распространению такой «электоральной модели перехода» [Bunce & Wolchik, 2006, 2010], чему способствовало активное западное сообщество поборников демократии [McFaul, 2010]. Однако, как кажется, авторитарные правители также извлекли урок из существующих примеров и разработали стратегии сдерживания мобилизации гражданского общества [Beissinger, 2007]. Кроме того, опросы общественного мнения указывают на низкую степень сплоченности массовых протестных движений, в силу широкого разброса идей и взглядов, присущих разным участникам таких движений [Beissinger, 2013].

Другие ученые по-прежнему считают, что элиты в деле политического перехода имеют большее значение, чем гражданское общество. Они ожидают возникновения перехода в результате сотрудничества между либеральными реформаторами внутри государственной власти и экономическими элитами внутри общества. Одной из основополагающих идей в данной сфере исследований является то, что авторитарное правление поддерживается с помощью целой сети отношений по типу непотистского, кумовского обмена [Collins, 2006; Grindle, 2012; Hicken, 2011; Keefer, 2007; Kitschelt & Wilkinson, 2006; Kononenko & Moshes, 2011]. Политическая власть обеспечивает доступ к государственным ресурсам и возможностям для частного бизнеса в обмен за политическую лояльность и поддержание. В целях укрепления дисциплины и поддержания обусловленного характера предоставленных прав и ресурсов политическое руководство избирательно наказывает явных перебежчиков

из стана экономической элиты [Brusis, 2013]. Это возможно, если на пути экономических элит, желающих предпринять согласованные коллективные действия против таких избирательных репрессий, существуют препятствия [Guriev & Sonin, 2009].

Как кажется, такая сеть патронажа, лежащая в основе авторитарного правления, поддерживается с помощью ренты, взимаемой с природных ресурсов и крупных государственных секторов [Domjan & Stone, 2010; Franke et al., 2009; Gel'man & Marganiya, 2010]. И, напротив, частный сектор экономики ассоциируется с демополизацией и рассредоточением власти [Aslund, 2009; Fish & Choudhry, 2007]. Одним из лейтмотивов приватизации государственных активов в бывших социалистических государствах Восточной Европы было предоставление возможности политическим элитам конвертировать свой социально-политический капитал в экономический [Hankiss, 1989]. Считалось, что данный процесс при всем нарушении принципов социальной справедливости приведет к замене политических элит и разделу экономической и политической сфер [Staniszki, 1991]. Однако новые капиталисты продолжали находиться в зависимости от политического патронажа, а также часто предпочитали защищать свои материальные интересы путем поддержки политического руководства. Новые капиталисты не доверяли рынкам, а также только что созданным судам и новому бюрократическому аппарату, призванным защищать рыночные устои, поэтому деятельность данных регулирующих механизмов так и не привела ни к каким эффективным результатам. Новые частные предприниматели представляются «условными демократами» в том смысле, что не привержены глубоко демократии [Bellin, 2000; Junisbai, 2012].

Какие факторы способствуют созданию альянса между такими капиталистами и либеральными реформаторами внутри правительства? Одним из факторов может быть распространение малых и средних предприятий [Yakovlev, 2013; Zudin, 2013]. Как правило, у таких бизнесов не хватает ресурсов и личных связей, требующихся

для поддержания отношений патронажа с влиятельными политическими деятелями. Они могли бы получить пользу от коллективных и общественных стратегий защиты своих деловых интересов, которые привели бы к укреплению независимости судов и непредвзятости государственной администрации.

Еще одним фактором может быть «рейдерство». Перед лицом экспроприации со стороны деятелей государства и режима капиталисты могут предпочесть перебежку в стан политической оппозиции [Junisbai, 2012]. Такие перебежки наблюдались в связи с образованием политических партий в нескольких постсоветских странах [Aslund, 2006; Gould & Hetman, 2008; Radnitz, 2010]. Поэтому наряду с декларированной целью стремления подотчетности государственной власти гражданам кампании против коррупции среди государственных чиновников можно также рассматривать как политику, направленную против излишне хищного поведения в отношении капиталистов.

Третьим важным фактором, как кажется, является повышение мобильности капитала [Boix, 2003; Freeman & Quinn, 2012]. Капиталисты, способные переводить за рубеж свои активы, могут лучше защитить себя от рейдерского захвата своих компаний. Кроме того, у них меньше стимулов в пользу соучастия в патронажных схемах. Однако, вероятно, такой вариант выхода снижает также их стимулы в пользу поддержки протестов оппозиции. Перевод бизнеса в другую страну может оказаться намного менее рискованным делом, чем уход в оппозицию. Тем не менее, как представляется, мобильность капитала придает силы реформаторам внутри правительства, так как те могут более убедительно защищать господство права в качестве орудия предотвращения бегства капитала, необходимого для модернизации экономики. С учетом глобализации национальных экономик сегодня вряд ли целесообразно сдерживать мобильность капитала административно-нормативными ме-

рами, направленными, например, на запрет зарубежных банковских счетов или на деофшоризацию частного бизнеса.

Взаимосвязанным, четвертым фактором в поддержку коалиции между капиталистами и либеральными реформаторами являются иностранные инвестиции [Geddes, 2007]. В связи с тем, что политическим элитам иностранные инвестиции необходимы для модернизации экономики, а также для достижения экономического роста и развития, у них появляются стимулы в пользу уважения и защиты прав собственности у иностранных инвесторов. В этих целях требуется проведение политики укрепления независимости и профессионализма судов, а также надежности и беспристрастности государственной администрации. В свою очередь, такая политика, вероятно, вызовет эффекты перетекания в интересах защиты гражданских свобод и подотчетности власти в качестве ключевых элементов либеральной демократии.

Однако же такие эффекты могут носить ограниченный характер. Межнациональные корпорации со штаб-квартирами на Западе продвижению демократической подотчетности могут предпочесть покупку для себя индивидуальной защиты. Политическое руководство может стремиться к разделению государственного сектора, основанного на патронаже, от рыночного частного сектора. Укрепление правопорядка будет ограничено только частным сектором, обеспечивая стабильную и надежную деловую среду, тогда как государственный сектор продолжит функционирование в соответствии с логикой взаимоотношений личного обмена, выступая в качестве материально-общественной базы правящей элиты [Junisbai, 2010]. Демократизирующие эффекты перетока могут также оказаться ограниченными глубоко укоренившимися в местной системе культуры верованиями, определяющими, например, что Россия — это не «Запад» [см., напр., Huskey, 2013]. Такая мнимая «инаковость» может выступать в качестве мощного орудия легитимизации для того, чтобы объяснить и обосновать, почему нельзя пе-

ренести западные модели либеральной рыночной экономики и демократии.

В целом, существующие теории демократизации пока еще не пришли к согласию о том, является ли необходимым и достаточным для перехода к демократии факт наличия договоренности между реформаторами и оппозиционными группами, мобилизованным гражданским обществом или коалицией реформаторов в элите. Также продолжаются споры о том, преследуют ли акторы трансформаций личные экономические интересы или же их поведение может быть объяснено фактором усиления зависимости экономик стран от глобальных экономических процессов. Ученые, которые считают, что фактор экономических интересов является основополагающим, спорят о том, касается ли конфликт правящей элиты с оппозицией, стремящейся к власти, прежде всего, распределения доходов или же защиты прав собственности. В то время как большинство исследователей сходится во мнении, что экономическая глобализация изменила внутреннюю политическую экономику авторитарных режимов, остается неясным, смогут ли эти режимы разработать эффективные долгосрочные стратегии, которые позволят им избежать политической дестабилизации и/или справиться с ее последствиями.

Список литературы:

1. Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. 2006. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.
2. Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. 2006. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.
3. Ansell, Ben, and David Samuels. 2010. "Inequality and Democratization: A Contractarian Approach." *Comparative Political Studies* 43 (12):1543-74.
4. Aslund, Anders. 2006. "The Ancien Régime: Kuchma and the Oligarchs." In *Revolution in Orange*, ed. A. Aslund and M. McFaul. Washington D.C.: Carnegie Endowment.

5. Aslund, Anders. 2009. *How Ukraine Became a Market Economy and Democracy*. Washington: Peterson Institute for International Economics.
6. Beissinger, Mark R. 2004. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
7. Beissinger, Mark R. 2007. "Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions." *Perspectives on Politics* 5 (2):259-76.
8. Beissinger, Mark R. 2008. "A New Look at Ethnicity and Democratization." *Journal of Democracy* 19 (3):85-97.
9. Beissinger, Mark R. 2013. "The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution." *American Political Science Review* 107 (3):574-92.
10. Bellin, Eva Rana. 2000. "Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries." *World Politics* 52 (2):175-205.
11. Boix, Carles. 2003. *Democracy and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Brusis, Martin. 2013. "Staat und Wirtschaftsakteure in postsowjetischen elektoralen Autokratien." *Politische Vierteljahresschrift* 47 (Sonderheft):298-323.
13. Bunce, Valerie. 1999. *Subversive Institutions. The Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2006. "International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions." *Communist and Post-Communist Studies* 39 (3):283-304.
15. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2010. "Defeating Dictators. Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes." *World Politics* 62 (1):43-86.
16. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Collins, Kathleen. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Domjan, Paul, and Matt Stone. 2010. "A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004-2008." *Europe-Asia Studies* 62 (1):35-62.

19. Doorenspleet, Renske. 2005. *Democratic Transitions. Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave*. Boulder [u.a.]: Rienner.
20. Fish, M. Steven, and Omar Choudhry. 2007. "Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World." *Comparative Political Studies* 40 (3):254-82.
21. Fish, M. Steven, and Matthew Kroenig. 2006. "Diversity, Conflict and Democracy: Some Evidence from Eurasia and East Europe." *Democratization* 13 (5):828-42.
22. Franke, Anja, Andrea Gawrich, and Gurban Alakbarov. 2009. "Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double 'Curse' in Post-Soviet Regimes." *Europe-Asia Studies* 61 (1):109-40.
23. Freeman, John R., and Dennis P. Quinn. 2012. "The Economic Origins of Democracy Reconsidered." *American Political Science Review* 106 (1):58-80.
24. Geddes, Barbara. 2007. "What Causes Democratization?" In *The Oxford Handbook of Comparative Politics*, ed. C. Boix and S. Stokes. Oxford: Oxford University Press.
25. Gel'man, Vladimir, and Otar Marganiya, eds. 2010. *Resource Curse and Post-Soviet Eurasia. Oil, Gas, and Modernization*. Lanham: Lexington Books.
26. Gill, Graeme. 2011. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Gould, John A., and Yaroslav Hetman. 2008. "Market Democracy Unleashed? Business Elites and the Crisis of Competitive Authoritarianism in Ukraine." *Business and Politics* 10 (2):1-33.
28. Grindle, Merilee. 2012. *Jobs for the Boys. Patronage and the State in Comparative Perspective*. Harvard: Harvard University Press.
29. Guriev, Sergei, and Konstantin Sonin. 2009. "Dictators and Oligarchs: A Dynamic Theory of Contested Property Rights." *Journal of Public Economics* 93 (1):1-13.
30. Haggard, Stephan, and Robert R. Kaufman. 2012. "Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule." *American Political Science Review* 106 (3):495-516.
31. Hale, Henry E. 2006. "Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism." *Communist and Post-Communist Studies* 39 (3):305-29.

-
32. Hale, Henry E. 2013. "Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings." *Annual Review of Political Science* 16:331-53.
 33. Hankiss, Elemér. 1989. *East-European Alternatives*. Oxford: Oxford University Press.
 34. Heinemann-Grüder, Andreas. 2011. *Föderalismus und Konfliktregelung. Indien, Russland, Spanien und Nigeria im Vergleich*. Leverkusen: Barbara Budrich.
 35. Hellman, Joel S. 1998. "Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions." *World Politics* 50 (2):203-54.
 36. Hicken, Allen. 2011. "Clientelism." *Annual Review of Political Science* 14:289-310.
 37. Houle, Christian. 2009. "Inequality and Democracy. Why Inequality Harms Consolidation but Does Not Affect Democratization." *World Politics* 61 (4):589-622.
 38. Huskey, Eugene. 2013. "Legitimizing the Russian Executive: Identity, Technocracy, and Performance." In *Power and Legitimacy — Challenges from Russia*, ed. P.-A. Bodin, S. Hedlund and E. Namli. London / New York: Routledge.
 39. Junisbai, Barbara. 2010. "A Tale of Two Kazakhstans: Sources of Political Cleavage and Conflict in the Post-Soviet Period." *Europe-Asia Studies* 62 (2):235-69.
 40. Junisbai, Barbara. 2012. "Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies." *Perspectives on Politics* 10 (4):891-916.
 41. Keefer, Philip. 2007. "Clientelism, Credibility, and the Policy Choices of Young Democracies." *American Journal of Political Science* 51 (4):804-21.
 42. Kitschelt, Herbert, and Steven I. Wilkinson, eds. 2006. *Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. Cambridge: Cambridge University Press.
 43. Kononenko, Vadim, and Arkady Moshes, eds. 2011. *Russia as a Network State. What Works in Russia When State Institutions Do Not?* Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
 44. Levitsky, Steven, and Lucan A. Way. 2010. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
 45. Lindberg, Staffan, ed. 2009. *Democratization by Elections: a New Mode of Transition*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

46. Linz, Juan J., and Alfred Stepan. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
47. McFaul, Michael. 2002. "The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World." *World Politics* 54 (2):212-44.
48. McFaul, Michael. 2010. "The Missing Variable. The "International System" as the Link between Third and Fourth Wave Models of Democratization." In *Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World*, ed. V. J. Bunce, M. McFaul and K. Stoner-Weiss. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Merkel, Wolfgang. 2010. *Systemtransformation. Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung*. 2nd, revised and expanded edition ed. Opladen: UTB.
50. Merkel, Wolfgang, and Brigitte Weiffen. 2012. "Does Heterogeneity Hinder Democracy?" *Comparative Sociology* 11 (3):387-421.
51. Møller, Jørgen, and Svend-Erik Skaaning. 2009. "The Three Worlds of Post-Communism: Revisiting Deep and Proximate Explanations." *Democratization* 16 (2):298-322.
52. Moore, Barrington. 1967. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane the Penguin Press.
53. O'Donnell, Guillermo, and Philippe Schmitter. 1986. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. 2. ed. Baltimore: John Hopkins University Press.
54. O'Leary, Brendan. 2001. "An Iron Law of Nationalism and Federation?: A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue (Ernest Gellner Nationalism Lecture)." *Nations and Nationalism* 7 (3):273-96.
55. Offe, Claus. 1994. *Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten*. Frankfurt/New York: Campus.
56. Przeworski, Adam. 1991. *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.
57. Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, José Antonio Cheibub, and Fernando Limongi. 2000. *Democracy and Development. Political*

-
- Institutions and Well-Being in the World, 1950-1999. Cambridge: Cambridge University Press.
58. Przeworski, Adam, and Group on East-South Systems Transformations. 1995. Sustainable Democracy. Cambridge, England ; New York: Cambridge University Press.
59. Radnitz, Scott. 2010. Weapons of the Wealthy. Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press.
60. Remington, Thomas F. 2011. The Politics of Inequality in Russia. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Schmitter, Philippe. 2010. "Twenty-Five Years, Fifteen Findings." Journal of Democracy 21 (1):17-28.
62. Schneider, Carsten Q. 2009. The Consolidation of Democracy: Comparing Europe and Latin America. Milton Park, Abingdon; New York: Routledge.
63. Staniszki, Jadwiga. 1991. Dynamics of Breakthrough. Berkeley: University of California Press.
64. Stepan, Alfred, Juan J. Linz, and Yogendra Yadav. 2011. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
65. Stykow, Petra. 2010. "Bunte Revolutionen" — Durchbruch zur Demokratie oder Modus der autoritären Systemreproduktion?" Politische Vierteljahresschrift 51 (1):137-62.
66. Stykow, Petra. 2013. "Wahlen in autoritären Regimen." Politische Vierteljahresschrift 47 (Sonderheft):298-323.
67. Yakovlev, Andrei. 2013. "V poiskakh novej social'noj bazy, ili Pochemu Rossijskaya vlast' menyaet otnoshenie k biznesu." Obshchestvennye nauki i sovremennost' 38 (2):5-14.
68. Zudin, Aleksej. 2013. "Biznes i gosudarstvo v Rossii: opyt primeneniia podkhoda Norta-Uollisa-Vai'ngasta. Obshchestvennye nauki i sovremennost' 38 (2013):15-31.

Беларусизация.
Можно ли завершить процесс
институционального строительства
независимого государства?

Сборник материалов конференции

Под редакцией Андрея Шутова

Вильнюс
2014

Сборник издан Центром европейской трансформации (Беларусь) при поддержке Международной неправительственной организации «EuroBelarus» (Литва) и Шведского центра развития сотрудничества НКО «Форум Сюд».

Беларусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?: Сборник материалов конференции / Под ред. А. Шутова. — Вильнюс, 2014. — 108 с.

Тематика книги концентрируется на проблемах завершения институционального строительства независимых государств на постсоветском пространстве. Для Беларуси этот комплексный процесс формирования современной нации можно обозначить термином «беларусизация». В ноябре 2013 года Центр европейской трансформации провел в Минске международную конференцию «Беларусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?». Материалы участников данной конференции представлены в сборнике.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей, культурных и общественных деятелей, включенных в процессы трансформаций постсоветских стран, а также для всех, интересующихся ходом и состоянием этих процессов.

© Центр европейской трансформации, 2014

Publication was made in the frames of the EIDHR project “Support to the freedom of association in Belarus and empowerment of civil society actors for public policy dialogue”.

Оглавление

Предисловие	4
<i>Владимир Мацкевич.</i> Беларусизация: рамки и содержательное наполнение. Историческая детерминация	6
<i>Андрей Егоров.</i> Беларусизация: о современном смысле задачи	19
<i>Татьяна Водолажская.</i> Беларусизация: подходы к анализу социального пространства	31
<i>Мартин Брусис.</i> Теории демократизации. Краткое изложение состояния проводимых исследований	45
<i>Аляксей Ластоўскі.</i> Стварэнне нацыянальнай гісторыі ў Беларусі: як далёка мы адышлі ад XIX стагоддзя	59
<i>Пётр Рудкоўскі.</i> Інтэлектуальныя козыры праціўнікаў адраджэнскага праекта	70
<i>Владимир Дунаев.</i> Национальное образование. История неудачных реформ	81
<i>Владимир Каганский.</i> Российская Федерация как империя	96
Об авторах	107